

• ТЕЛЕПЕРСОНА GRATA (NONGRATA)

Телевизионный небосклон России усеян звездами разной величины и яркости — от Познера до Малахова. Интерес широкой публики к ним носит, с одной стороны, празднично-развлекательный, а с другой — вполне познавательный характер. Последний, правда, скорее невольный, нежели осознанный.

Как и в любой другой сфере массовой культуры, на ТВ почти каждая более или менее популярная персона — маска тех или иных групповых ожиданий, подсознательных желаний, нечаянных комплексов, коллектив-

ных представлений о добре, красоте, благородстве, злодействе и справедливости...

Об олицетворенных комплексах и амбициях таинственной души российской аудитории и пойдет речь в рубрике, которая отныне, надеемся, станет постоянной. Мы предлагаем читателям поучаствовать в этой рубрике голосованием на предмет: кто есть из тех телеперсон, о которых мы будем писать «grata», а кто — «nongrata». Пишите или звоните. Результаты голосования будут публиковаться отдельной строкой в очередном тексте рубрики. Мы начинаем с Владимира Познера.

Владимир Познер

Известия, - 2001.

Юрий БОГОМОЛОВ

- 27 окт. - с. 9

На состоявшейся вчера церемонии присуждения «ТЭФИ» все было более или менее спорно. И номинации, и номинанты, и лауреаты... Бесспорным был, пожалуй, тот, кто открывал и закрывал церемонию, — президент «Академии Российского телевидения» Владимир Познер.

...На нашем телевидении он один — профессионал. Прочие рядом с ним кажутся дилетантами. Кто более способным, кто менее...

По другую сторону океана, в шоу Донахью, он, надо полагать, воспринимался до некоторой степени как экзотическая приправа к сугубо национальному американскому ток-шоу.

Эффект заключался в сходстве несходного: русский, который почти неотличим от американца, непринужден в английском, свободен в общении, толерантен, темпераментен, корректен, демократичен и т.д.

Пока у аудитории сохранялось ощущение свежести, или, как говаривал Виктор Шкловский, «остранности», Познер был желанным гостем американского ТВ. Когда это ощущение притушилось, контракт не был пролонгирован и Владимир Познер благоразумно сосредоточился на работе в России.

Увеселительный аттракцион «горки», которые в Америке на-

зываются «русскими», у нас именуются «американскими».

То же и с Познером: там он американизированный русский, здесь он русифицированный «американец».

И опять же: то, что в этом телеведущем подкупало американскую публику, радует, но по-другому, отечественную. Воспитанность, респектабельность и живая непринужденность для народных масс что-то вроде акцента, который с головой выдает иностранца.

Познер — идеализированный нами и образцово-показательный для нас человек с Запада. Его даже антисемиты уважают, в чем можно было убедиться на одной из передач «Человек в маске». Какая-то дама выразила неудовольствие по поводу обилия в отечественном эфире лиц еврейской национальности, на что Владимир Владимирович спросил: «Мне, может, уйти?». Ответ был мгновенным и искренним: «Ну что вы, я не вас имела в виду. Вас-то я как раз люблю».

Впервые его полюбили за «телемосты». Он их наводил между простыми людьми советской России и антисоветского Запада. Ему это было с руки, потому что он неплохо ориентировался и в том и в другом менталитете. Точнее: в перегибах обоих менталитетов.

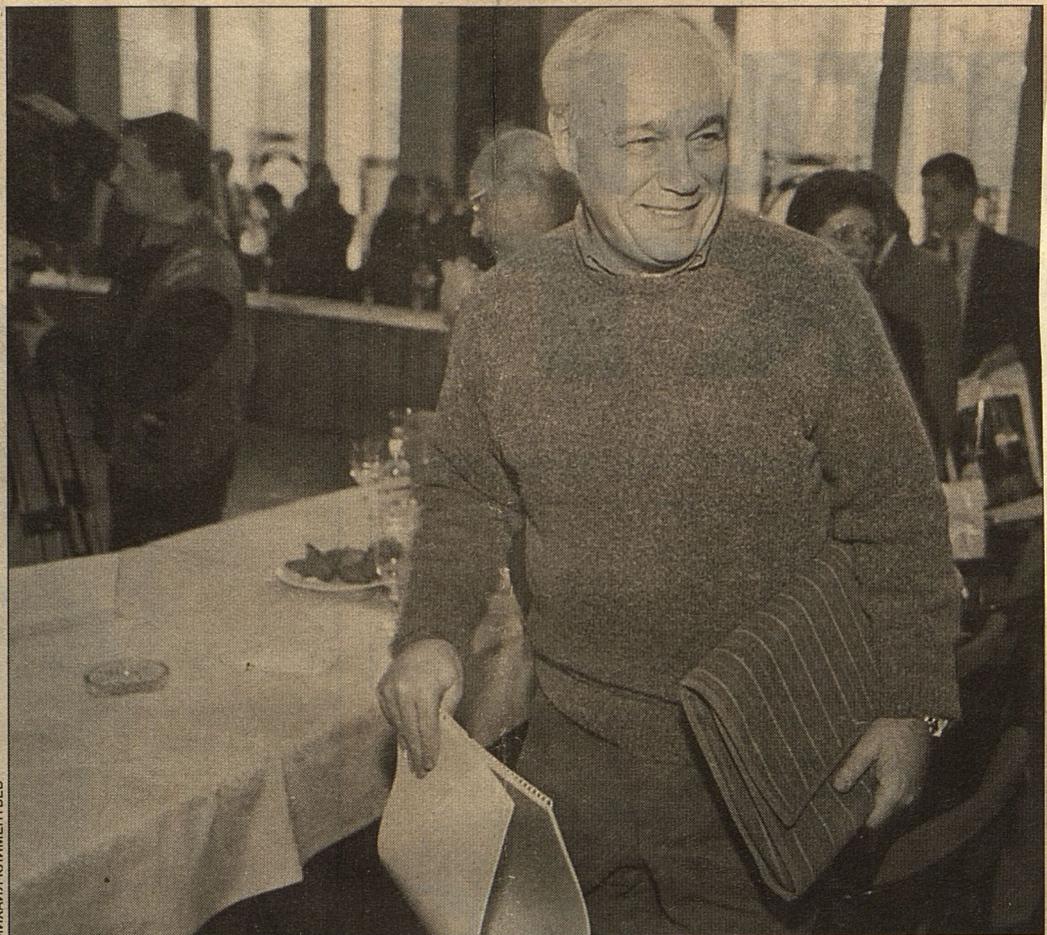
Программа «Мы», которую он вел какое-то время на ОРТ, тоже своего рода телемост. Между нами и нами. То был

опыт коллективного самосознания. В такого рода программах он чувствовал себя уверенно. И особенно уверенно в тех случаях, когда предметом разбирательства становились рецидивы советских комплексов. Как это было в случае с защитой прав русскоязычных неграждан в Латвии.

Была у него еще подзабытая ныне передача «Человек в маске», которая по идее предлагала иную коммуникативную и содержательную коллизию. Познеру приходилось в ней по большей части иметь дело с подсознательными изгибами отдельного человека. Иными словами, с исключениями, а не с правилами. Теперь понятно, почему передача не задержалась в эфире. Состояние умов сегодня действительно трудноуловимое: мораль стала зыбкой, двусмысленной... Исполнение правил общения пушено на самотек, под ответственность индивида. От этого индивид перенапрягся и заболел...

Признаться аудитории — «Маска! Я вас не знаю» — Познер не смог. И на его лице застыла маска склонившегося над своим пациентом все понимающего врача-психиатра, которого «Мы» опять же склонны идеализировать, но который «Им» не в помощь.

«Маска» оказалась не к лицу Владимиру Познеру. Темы, мотивы и аудиторию этой передачи довольно скоро и споро разо-

Владимир Познер. Телеперсона Grata

брали ведущие семейных ток-шоу. В первую очередь Валерий Комиссаров с «Моей семьей». В последнюю — Андрей Малахов со своей «Большой стиркой». Обе программы являют собой незамутненную спекуляцию на частной жизни человека. И понятно — на спросе таковой. Интерес широкой публики к чистому белью удовлетворяют «Женский взгляд», «Продолжение следует», «Без галстука»; интерес к грязному белью — «Большая стирка» и «Моя семья».

Что же касается Познера, то он вернулся к тому, что умеет делать лучше других. К разговорам со зрителями «за политику». Его «Времена» — это едва ли не единственное удачное в России аналитическое ток-шоу. Не всегда шоумен убедителен в своих комментариях и не очень в них глубок. Иногда злоупотре-

бляет морализаторскими притчами и сентенциями. Но его чувство эфирного времени, его способность контролировать ход полемики, находить в ней главный нерв, реагировать на спонтанные реплики — безукоризненны. Все другие ведущие в подобных ситуациях (от Савика Шустера до Светланы Сорокиной) напоминают председателей достопамятных партийных собраний; у них в глазу одна неизбывная проблема — как соблести регламент и уложиться во временной формат передачи. Вот у Познера этого нет. Потому что работает в эфире не столько регулировщиком, сколько драматургом. От лучших его программ остается впечатление, что он на ходу, с листа сочинил композицию, где есть экспозиция, кульминация и развязка.

А провалы у него случаются тогда, когда слишком очевидным образом полагается на домашнюю заготовку. Как это было при обсуждении причин теракта 11 сентября.

А самый большой и большой его соблазн — это искушение, которое ведомо, наверное, каждому, кто в той или иной степени ощущает себя по праву или по недоразумению властителем дум: искушение впасть в опискинщину, то есть в дидактику, в менторство, в душеспасительное для живущих и страждущих морализаторство.

Но состоявшаяся вчера торжественная церемония вручения «ТЭФИ», как волшебное и поэтому вполне правдивое зеркальце, сказала Владимиру Владимировичу Познеру, что он всех милее, профессиональнее и телегеничнее.